

план две личности, жизнеописания которых, последовательно выдержанные в эпическом стиле, представляют собою ряд воинственных героических дел.<sup>4</sup>

Олег (ум. 912) в летописном предании с легкостью, типичной для эпического героя, преодолевает все препятствия на своем пути: он без боя берет Смоленск, Любеч, хитростью овладевает Киевом. Не встречая никакого сопротивления, побеждает он древлян, северян и радимичей. Затем идет на Царьград и при этом одолевает греков хитростью.<sup>5</sup>

Святослав (ум. 972) у летописца более воин, чем правитель. Суровая жизнь, которую он ведет с дружиной, должна была служить примером истинной воинской добродетели для будущих поколений. Известны слова Святослава, с которыми он, находясь в безнадежном положении, обратился к своим воинам: «Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посраим земле Русские, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имам. Аще ли побегнем, срам имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду; аще моя глава ляжет, то промыслите собою».<sup>6</sup> Как замечает И. П. Еремин, элементы народного эпоса содержатся и в описании обстоятельств насильственной смерти Святослава.<sup>7</sup>

Карамзин в отношении характера повествования в основном придерживался народно-эпического стиля летописи. Как писатель он был чуток к поэтическим особенностям древнерусских источников. Но, стремясь к исторической объективности, он дополнил повествование «Повести временных лет» византийскими источниками. Так, например, он не изобразил исход битвы при Доростоле односторонне, как победу русских. Кроме того, он отмечал там, где это было необходимо, легендарный характер народно-эпического предания, которое он, между прочим, считал свидетельством раннего исторического сознания.<sup>8</sup>

Опираясь на народно-эпический стиль «Повести временных лет», Карамзин, тем не менее, не стеснял себя в своих попытках изобразить характер исторических лиц. Прямолинейная и в некоторой степени «геральдическая» характеристика средневековых летописей<sup>9</sup> под пером Карамзина, использовавшего возможности литературы своего времени, благодаря индивидуализации и противопоставлению в первую очередь моральных качеств, превращалась в сложный характер. Карамзин считал главным изобразить «многообразие страстей»; возможно, что занятие Шекспиром вдохновило его на это.<sup>10</sup> Как он дополнял суровую простоту летописного рассказа чувствительно-психологическими чертами характера, показывают следующие примеры:

М.—Л., 1966, стр. 76—97. (Далее: И. П. Еремин). Характеристику народно-эпического стиля (под термином «эпический стиль») см.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, М.—Л., 1958, стр. 70—79.

<sup>4</sup> См.: И. П. Еремин, стр. 75—77. В дальнейшем мы уделяем основное внимание изображению древнерусских князей Олега и Святослава и оставляем в стороне образы князя Владимира, новгородских борцов за свободу и киевских витязей.

<sup>5</sup> Повесть временных лет, ч. 1. Серия «Литературные памятники», М.—Л., 1950, стр. 24.

<sup>6</sup> Там же, стр. 50.

<sup>7</sup> И. П. Еремин, стр. 77.

<sup>8</sup> Это относится, например, к эпизоду поставленных на колеса кораблей и к рассказу о смерти Олега. См.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. 3-е изд., СПб., 1830, стр. 154, 166. (Далее: Н. М. Карамзин).

<sup>9</sup> См.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 73.

<sup>10</sup> Ср.: Л. И. Кулакова. Эстетические взгляды Н. М. Карамзина. — В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.—Л., 1964, стр. 74—75.